

Эмансипация как проект либерального развития общества в XIX веке

Е.Г. ФИСУН

Представлен философско-антропологический анализ проекта эмансипации гендерных и расовых меньшинств в культуре XIX в. Автор анализирует пути и формы эмансипации гендерных и расовых Других в развитии общества XIX в. Эмансипация представлена как проект деконструкции колониального и патриархального дискурса, который направлен на «исключение» меньшинств из категории культурной нормативности и объективизацию их как пассивных и зависимых Других в культуре. Автор предлагает философские определения эмансипации, в частности как процесса самосознания Другим своей ценности, развитие субъективизации. Базируясь на терминологии М. Фуко, эмансипация представлена как дискурс «заботы» о гендерных и расовых Других и как новый модус равноправных отношений с культурой доминирующего большинства.

Ключевые слова: эмансипация, либерализация, Другой, ориенталистский дискурс, властный дискурс, империализм.

The article presents a philosophical-anthropological analysis of the project of emancipation of gender and racial minorities in the culture of the XIX century. The author analyzes the ways and forms of the emancipation of gender and racial Others in the development of society of the XIX century. Emancipation is presented as a project of deconstruction of colonial and patriarchal discourse, which is aimed at «exception» of minorities from the category of cultural normativity and objectivization them as passive and dependent Others in the culture. The author proposes the philosophical definitions of emancipation, in particular, as a process of Other's self-consciousness of its own value, the development of subjectivity. Based on Foucault's terminology, emancipation is presented as a discourse of «care» about the gender and racial Others and as a new modus of equal relations with the culture of the dominant majority.

Keywords: emancipation, liberalization, Other, orientalist discourse, power discourse, imperialism.

В эпоху Нового времени и Просвещения тема либерализации прав человека заняла важную позицию в европейской философии. Роль и место индивида в обществе, границы его гражданской и индивидуальной свободы стали центральными вопросами в политической мысли Т. Гоббса, Дж. Локка, а позже в политических концепциях Ж.-Ж. Руссо и Ш. де Монтескье. Основой философских дискуссий этого периода становится тема границ господства государства над индивидуумом и границ свободы человека. Проект Просвещения в понимании Т. Адорно и М. Хоркхаймера [1], который призывал к справедливости и осмысленной власти («Власть – одним, послушание – другим» [1, с. 37]), потерпел крах. Технический прогресс и развитие изощренных методов принуждения, оружия, массовые уничтожения показали нежизнеспособность просвещенческих идей.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что сегодня вопросы культурной интеграции расовых и этнических меньшинств в европейское сообщество, ущемления их гражданских, политических прав остаются по-прежнему дискуссионными в гуманитарных науках.

Разработанность темы на сегодняшний день ограничена в рамках историко-философских исследований женской эмансипации (Н. Бердяев, С. де Бовуар), литературоведения (Н. Лесков), в то время как в рамках философско-антропологических исследований дискурсы эмансипации в культуре XIX в. остаются малоизученными. В рамках современных философских исследований проблемы гендерных и расовых меньшинств были подняты теоретиками западного феминизма и постколониализма второй половины XX в. (Г. Спивак, Р. Моханрам, М. Егеноглу, П. Чаттерджи).

Целью данной статьи является философско-культурологический анализ становления проекта эмансипации, а также его дискурсов в европейской и американской культуре XIX в.

Задачи исследования: 1) в ракурсе философии культуры раскрыть понимание эмансипации гендерных и расовых Других в культуре XIX в.; 2) определить значимость дискурсов эмансипации в либерализации прав гендерных и расовых меньшинств в культуре XIX в.

Методологически работа базируется на модели «дискурсивной власти» М. Фуко [2]; «ориенталистском дискурсе» Э. Саида [3], [4]; модели субъективности и концепции деконструкции Ж. Деррида [5]; философии Другого Ю. Кристевой, Ж. Лакана; постколониальных

исследования Г. Спивак, Р. Моханрам; современных концепциях либерализма Р. Дворкина, И. Берлина, У. Кимлика, О. Хеффе. Также в работе исследуется вопрос маргинальности расовых меньшинств как философская проблема. Их нестабильная самоидентификация, а также восприятие как «различных». Других не дает им возможности иметь устойчивый статус в обществе, поэтому «смешанные расы» – это всегда «маргинальные расы» [6, с. 14]. Методы, применяемые нами в исследовании: гендерный анализ, философско-антропологический, структурно-семиотический, структурно-описательный анализ, метод дискурса-анализа.

Новизна работы состоит в попытке философского обоснования значимости проекта эмансипации гендерных и расовых Других в развитии общества и культуры XIX в.

В истории культуры слово «эмансипация» впервые встречается в «Законах двенадцати таблиц» («Codex decimviralis Duodecium tabulae») – в правовом документе Древнего Рима, в котором были зафиксированы правовые нормы и права римлян. «Эмансипация» означала «освобождение от зависимости, подчиненности», «формальное освобождение сына из-под отцовской власти», «официальный отказ от права собственности, (путем фиктивной продажи – «per aes et libram») [7].

В эпоху Просвещения Дж. Локк создал либерально-демократическое направление в политической философии, выдвинул концепцию «естественной свободы человека», предполагающую полную свободу человека от воли других, «состояние равенства» всех и каждого [8, с. 263]. Политические взгляды философов Просвещения (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Вольтера) центрированы на справедливом отношении государственной власти к подданным, «народном суверенитете», на принципах равенства всех людей перед законом, нравственности и разумности. На принципах толерантности и гражданской свободы построена концепция общественного договора Ж.-Ж. Руссо [9], которая предполагает гражданскую, а также моральную свободу человека. Определение границ зависимости раба от господина, народа от государства, т.е. отношений субъекта и объекта власти, составляют основу властного дискурса в политическом измерении, которому противостоял эмансипационный дискурс.

В противовес идеям Просвещения политика Европы базировалась на дискурсивных практиках империи – «имперском властном дискурсе» («империалистическом нарративе»). Имперский властный дискурс, обращаясь к теории Э. Саида [3], [4], основывался на определенных политико-идеологических стратегиях колониального проекта, подчеркивающих высокий статус европейских империй («метрополии», «центра», «нормативной субъективности»), их доминирование и превосходство по отношению к низшему, подчиненному положению колониально захваченных территорий («периферии», «окраине», «маргинальности», «не-нормативному телу»). Стратегии ориентализма, согласно Э. Саиду, имели политический характер и использовались для легитимации «культурного империализма» и подтверждения доминирующей позиции «белой», «маскулинной», христианской культуры, а также иррациональности и зависимости «восточного Другого». Именно империализм породил дискурс об «исключенности» человеческих рас и народов, их «нормативности» и «не-нормативности», практику их различения в системе «Свои – Чужие», «Я – Другие» [10, с. 47–56].

Становление дискурса «исключения» в рамках дискурсивного типа власти рассмотрел М. Фуко [11], [2]. В XVIII в. произошло становление дискурсов «исключения»: сексуальности, сумасшествия, а вместе с ними и политики девиации и иерархизации людей по определенным признакам, которые не укладываются в понимание установленной нормы (разные неравные, маргинальные группы – гендерные, расовые, классовые, этнические, возрастные). Идеологическая стратегия «Власть – Знание» [2] (в терминологии М. Фуко) показала свою эффективность в осуществлении империалистического дискурса и его разновидности, – дискурсе ориентализма. Дискредитацию гендерных и расовых Других по разным критериям (цвету кожи, вероисповеданию, полу, этническим особенностям, социальному статусу) можно считать формой тотальной дискурсивной власти.

Гендерная эмансипация проходила в несколько этапов. В эпоху европейского Просвещения общественная роль женщины сводилась к образу «Женщины-Матери», находящейся за чертой индивидуализации и обладанием политическими, экономическими правами. Как отметила Э. Хэфели [12], Ж.-Ж. Руссо сконструировал идеальный тип женщины, соответствующий культурным, моральным и этическим требованиям своей эпохи – это милосердная, кроткая, заботливая Мать, подобная Деве Марии. Фигура «Женщины-Матери», выстроенная в философии Ж.-Ж. Руссо, стала символом женщины эпохи. В XIX в. представления о

женщине как зависимом и подчиненном мужчине «Ином» стали в центр ранней феминистской критики, направленной на деконструкцию представлений о женской пассивности, признание женщины субъектом истории, ее общечеловеческих прав.

Другим важным субъектом эмансипации в европейском дискурсе XIX в. выступали представители не-белой расы, живущие на окраинах европоцентричной цивилизации, и этот либеральный дискурс противостоял концепциям расизма предыдущих столетий. В частности, в XVII–XVIII вв. были сформулированы теории расизма о превосходстве европеоидной расы, среди которых наиболее известной является теория Ж. Гобино и некоторые другие. Исходными предпосылками расизма служило неравенство рас, различие на «Мы – Они», «Я – Другие», их деление и иерархизация по физическим, культурным и религиозным различиям. Идеология расизма складывалась в силу нескольких причин, большинство из которых были проанализированы в работах Э. Саида «Ориентализм» и «Культура и империя»: 1) из-за опасений Европы и Америки (двух важных геополитических центров) потерять контроль над потенциально-возможным развитием «восточных», африканских колоний; 2) в силу необходимости масштабного развития производства; 3) из-за желаний расширять границы мировой «европеизации» и «американизации». Идеологически расизм, а также социал-дарвинизм (в конце XIX – начале XX вв.) основывался на теории эволюции Дарвина, на его учении о естественном отборе в природе и выживаемости наисильнейших организмов. Расовое превосходство «белых», «белокурых» европеоидов над «черными» негроидами, мулатами и «желтыми» азиатами было объяснено их наибольшей выживаемостью, их интеллектуальной высокоразвитостью подобно тому, как человек нового вида *Homo Sapiens* превзошел обезьяну. Что касается религиозных различий, то иудеи, мусульмане, язычники, кришнаиты, буддисты, представители нехристианских сообществ воспринимались христианизированной Европой как «инородцы», по отношению к которым существовало религиозное неприятие [4, с. 200]. На наш взгляд, можно утверждать, что концептуализация превосходства «белой расы», а именно – белых европейцев мужского пола, обладающих собственностью и культурным влиянием (т. е. «культурной гегемонией» в терминологии А. Грамши [13]) следует рассматривать как проявление одного и того же стремления белого субъекта легитимировать и утвердить свою власть на разных уровнях – над женщиной на уровне семьи и имущественных прав и над не-европейскими и не-христианскими народами (меньшинствами внутри Европы) на уровне геополитики и культуры.

Эти стратегии легитимации власти субъекта (мужчины, империи, доминирующей расы) были активно проанализированы и деконструированы в работах постструктуралистов второй половины XX в., прежде всего М. Фуко, Э. Саида, Ж. Деррида, Х. Бхабха. В частности, становление женской субъективности в культуре, а также формирование гендерной и расовой идентичности стало основой проекта «заботы о себе» М. Фуко [14]. Принцип «заботы о себе» («культуры себя») представлен Фуко как процесс субъективизации, осознание индивидом (или другой политической, религиозной культурной группой) уникальности своего «Я» как полноценного субъекта в обществе и культуре. Таким образом, эмансипацию можно рассматривать как культурно-идеологическое движение европейского общества от «заботы о себе» – к «заботы о Других», то есть переключении внимания на представителей гендерных и расовых меньшинств и признания их специфических нужд и потребностей. В этой связи в XIX в. развиваются либеральные (эмансипаторные) дискурсы, в рамках которых происходит переосмысление роли женщины в обществе, а также признание уникальности и ценности тех народов и культурных субъектов, которые прежде оказывались «исключенными» из доминирующей культуры. К таким эмансипаторным дискурсам, объединенным общей концепцией «освобождения», «признания», «принятия», «гуманизации» следует отнести дискурсы суфражизма и раннего феминизма, которые активно развиваются в XIX в., а также дискурс аболиционистов в США, национально-освободительные движения в Европе и антиколониальные восстания в Азии (Индии) XIX в., а также движения в поддержку прав еврейского населения (еврейского меньшинства) как в странах западной, так и восточной Европы.

В XIX ст. беспокойство о судьбе расовых, национальных, религиозных меньшинств (который условно можно обозначить как «забота о Других») реализовалось в ряде культурно-освободительных движений («Гаскала», аболиционизм). Началом для развития еврейской эмансипации стало появление «Гаскалы» (во второй половине XVIII в. в Германии) – мас-

штабного культурно-просветительского движения, целью которого являлось возрождение еврейской культуры и еврейского самосознания. Развитие еврейской эмансипации привело к таким результатам как: 1) возрождению иврита как полноценного европейского языка и развитию ивритской литературы (творчество М. Мендельсона, Г. Лессинга, Б. Ауэрбаха, К. Эмиля Францоа); 2) возрождению самобытных религиозных традиций иудаизма; 3) утверждению полноправного гражданства евреев, их всесторонних (общественных, экономических) прав для жизни в Европе. Л. Поляков обозначил, что в XIX в. произошла эмансипация женщины-еврейки [15, с. 146–147] и модернизация культурно-антропологических качеств жизни евреев в Западной Европе, что было связано с упразднением необходимости носить типичную «еврейскую одежду» и отличительные «еврейские знаки» (сбривать бороду, запрет употреблять в пищу свинину и др.), то есть с модернизацией еврейского населения [15, сс. 157, 187–188].

В XIX в. произошло становление теории аболиционизма, – национально-освободительного, эмансипационного движения против рабства в Америке. Аболиционисты видели равенство рас также и в искоренении «семейного рабства», улучшении условий женского труда, не только европейек, но и афроамериканских женщин, в распространении избирательных прав на «чернокожих женщин», признании личного достоинства и права на индивидуальность каждой женщины независимо от расы [16, сс. 60, 65, 73, 155]. А. Дэвис указывала, что основой для аболиционистской теории стала христианская этика, провозглашающая «всех равными перед Богом» [16, с. 112]. В середине XIX в. политические активистки (Л. Мотт, Э. Стэнтон, А. Гримке, Ф. Дуглас) выдвинули вопрос о правах афроамериканских и «белых» женщин. Следовательно, аболиционисты видели взаимосвязь между расовой эмансипацией и женской эмансипацией.

Попытки индивидуализировать женщину как субъекта, равноправного мужчине, относятся к заслугам первых феминисток (О. де Гуж, М. Уолстонкрафт, Э. Адлер, Л. Отто-Петерс, М.Ф. Аннеке, Х. Дом [17]) и говорят о том, что в XIX в. активно развивалась идея всесторонней (правовой, интеллектуальной, личностной) «заботы» женщин о себе, одновременно с признанием наиболее просвещенных мужчин прав женщин на образование, получение профессии и т. д. Дискурс эмансипации базировался на утверждении прав женщин на освобождение от «маскулинной гегемонии», от идеологической привязанности женщины к образу пассивного гендерного поведения в культуре. Ярким выражением женской эмансипации стало развитие женского творчества и «женского письма» (Ж. Санд, Дж. Остин, Ш. Бронте, М. Вовчок, О. Кобылянская, М. Башкирцева и др.).

В результате проделанного анализа можно прийти к выводу, что множественные либеральные, национально-освободительные, антиколониальные, антиимперские, феминистские и антирасовые движения, возникшие и активно развивавшиеся на разных континентах (в США и в Европе) и приложимые к представителям разных угнетаемых прежде групп, могут быть рассмотрены как проявления общего для культуры и сознания XIX в. – «эмансипаторного дискурса». Основными характеристиками эмансипаторного дискурса является его осознанная «антиколониальная», «антирасистская», «антидискриминационная», «антиимперская» направленность. Саму эмансипацию (как феномен) в контексте данного дискурса автор статьи предлагает рассматривать как сложный, многоступенчатый комплекс культурных, экономических и политических явлений, которые в разных странах могут проявляться в разной степени и в разной последовательности, тем не менее, включая в себя: 1) формирование общественного дискурса «о получении свободы», возможностях того или иного субъекта обладать свободой и сопротивляться зависимости; 2) процесс субъективизации, переход зависимого объекта из категории «объекта» в категорию «субъекта»; 3) процесс собственной самоидентификации субъекта с определенной расой, классом, нацией, культурой; 4) изменение властных отношений в системе «субъект-объект» (перемещения «зависимого» объекта в положение субъекта, претендующего на равенство прав и возможностей в культуре); 5) обретение субъектом автономных (политических, общественных, экономических, индивидуальных) прав, его более широкой интеграции в культурную и общественную жизнь; 6) изменение границ между коллективным телом и индивидуальным телом Другого; 7) более широкие экономические и политические права; 8) либеральное общественное отношение к аккумуляции, интеграции, модернизации представителей гендерных, религиозных или национальных сообществ в культуру империи или гегемонной нации.

Женщины, представители европейских колоний (индусы, африканцы), европейские евреи, чернокожие Америки стали объектами эмансипации, как на уровне дискурсов «говорения о свободе», так и на уровне практик автономизации, признания прав и ценности культуры меньшинств, появлении новых экономических и профессиональных возможностей в ряде стран (например, допуск женщин в университеты; активное участие женщин в общественной жизни и политической борьбе в Европе XIX в.; освобождение чернокожих Северной Америки от рабства в 1862–1863 гг.; признание полного равноправия евреев как граждан в разных странах Европы на протяжении XIX в.; активный общественный интерес к культуре «инородцев» в российской империи, который проявился в практиках их этнографического описания, научных путешествий на окраины империи, интеграции в хозяйственную и политическую жизнь; проявление себя в творческих профессиях женщин и представителей национальных меньшинств, что в традиционном обществе было привилегией мужчин доминирующей нации, и др). Можно утверждать, что эмансипация в XIX в. – это результат борьбы либерального, антиколониального и освободительного проекта общества против властного имперского патриархатного дискурса, который традиционно исключал или маргинализировал гендерных и расовых Других в пространстве культуры.

Литература

1. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., СПб. : Медиум, Ювента, 1997. – С. 16–60.
2. Фуко, М. История сексуальности : в 3 т. / М. Фуко ; Пер с фр. О. Хома, Т. Титова. – М. : Рефл-бук 1998. – Т. 1. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – 448 с.
3. Саид, Э. Культура и империализм / Э. Саид ; Пер. с англ. А. Говорунова. – СПб., 2012. – 738 с.
4. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб. : Русский мир, 2005. – 636 с.
5. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; Пер. с франц. Д. Кралечкина. – М., СПб. : Академический проект. – 498 с.
6. Majete, C. Interracial Marriage: An Overview / C. Majete // Interracial relationships. – Greenhaven Press, Inc. : An Opposing Viewpoints 2000 San Diego. U.S.A. – P. 9–17.
7. Реальный словарь классических древностей / Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта // Независимый филологический журнал [Электронный ресурс]. – 1914. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/antiquities/Desultory-3402.html>. – Дата доступа : 17.02.2017.
8. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 137–405.
9. Руссо, Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж.-Ж. Руссо ; Перевод с франц. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
10. Комас, Х. Расовые мифы / Х. Комас // Расовая проблема и общество : сборник переводов с французского / Общ. ред. и вст. ст. М.С. Плисецкого. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – С. 47–56.
11. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; Пер с фр. М. Раковой. – СПб., 2004. – 416 с.
12. Хэфели, Э. К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе 17 века : психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софи / Э. Хэфели ; Пер. Н. Носовой ; под ред. Э. Шоре, К. Хайдер // Пол, гендер, культура. – М. : РГГУ, 1999. – С. 55–109.
13. Грамши, А. Избранные произведения : в 3 т. / А. Грамши. – М. : Иностранная литература, 1959. – Т. 3. Тюремные тетради. – 564 с.
14. Фуко, М. История сексуальности : в 3 т. / М. Фуко ; Пер с фр. О. Хома, Т. Титова ; под общ. ред. А. Мокроусова. – К. : Дух и литера ; Грунт ; М. : Рефл-бук 1998. – Т. 3. – Забота о Себе. – 288 с.
15. Поляков, Л. История антисемитизма: Эпоха знаний / Л. Поляков ; Пер. с фр. В. Лобанова, М. Порхомовского. – М., Иерусалим : Гешарим, 1998. – 448 с.
16. Дэвис, А. Женщины, раса, класс / А. Дэвис ; Пер. с англ. / Под ред. Д.А. Лисоволика. – М. : Прогресс, 1987. – 280 с.
17. Hochheim, G. Frau und frei. Ausbruch in der Revolutionzeit / G. Hochheim // Informationen zur politischen Bildung. – Pforzheim : Stark Druck GmbH. – S. 22–23.